

DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-65-74

УДК 338.2 (571.6)

Д. А. Попов

Восточная стратегия России: мотивы и ретроспективные типы

В статье рассматривается понятие Восточной стратегии России как государственной долговременной политики по обретению, заселению, обустройству и развитию дальней окраины России, её базовые элементы пространственной экспансии. Раскрываются основные мотивы стратегии: хозяйственный – освоение и использование природных ресурсов – пушнины, руд благородных, цветных и черных металлов, леса, рыбы, угля, нефти, газа, сельскохозяйственных земель и их использование в хозяйственной деятельности; территориальный – обретение территориального пространства в границах: озеро Байкал – Камчатка и Курильские острова, мыс Дежнева (Чукотка) – залив Посьета (Приморье); социальный – заселение, обустройство и организация жизнедеятельности; геополитический – распространение государственности на обретенном пространстве; геостратегический – обеспечение национальной безопасности. Сформулированы и рассмотрены исторические типы восточной стратегии: экспансионистская стратегия (середина XVII-середина XIX вв.); форпостная стратегия (середина XIX-середина XX вв.).

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, восточная идея, восточная стратегия, мотивы, типы стратегии, территория, геополитическое пространство, население, миграция, промышленность.

1639 год. Лето. Минуло 380 лет, когда казацкий атаман, землепроходец, русский патриот – Иван Юрьевич Москвитин – с отрядом томских казаков и красноярских служилых людей первым из европейцев открыл Охотское море, застолбив тем самым присутствие России на Тихоокеанских берегах. Состоявшаяся здесь, почти за 400 лет, Дальневосточная хозяйственная, социальная, геополитическая и геостратегическая реальность включает в себе не только пылкий общественный интерес к прошлому, но и выступает объектом научных исследований и обобщений социальной практики и спецификации рационального исторического опыта. Сегодня в связи с разработкой, в рамках Концепции пространственного развития России, Национальной Программы ускоренного социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа на период до 2025 г. данная проблематика выступает как весьма актуальная.

Цель настоящей статьи – изложить в предельно сжатой форме наше понимание Восточной стратегии, ее базовых мотивов и исторических типов и, тем самым, привлечь к размышлению патриотически ориентированную и мыслящую интеллектуальную общественность к более глубокому осмыслению прошлого, настоящего и будущего Тихоокеанской России.

Восточная стратегия России в широком понимании – это государственная политика экспансии территориального пространства от Урала до Камчатки, в узком смысле – это государственная политика по обретению, заселению, освоению и развитию северо-восточной части этого пространства в границах от озера Байкал до Тихоокеанского побережья, выступающая во все времена в качестве главного инструмента государственного управления пространственным развитием.

В историческом контексте под государственной Восточной стратегией мы понимаем не только специально разработанные

Дмитрий Алексеевич Попов – д-р истор. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления на предприятиях торговли, Хабаровский государственный университет экономики и права (680038, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 134). E-mail: eupt.stud@mail.ru

и принятые документы, зафиксированные в канонических текстах с отражением целей, задач, направлений, методов и инструментов будущих трансформаций, но и широкий круг государственных документов – княжеские грамоты, царские уложения, императорские указы и распоряжения, партийно-государственные постановления, разного рода нормативные акты, регулирующие организационно-хозяйственную деятельность, социокультурную и военно-политическую деятельность на Дальнем Востоке.

Зарождение восточной идеи и частичную экспансию зауральских земель мы по праву и с почтением относим к последним Рюриковичам: отцу Ивану III (1440 – 1505 гг.), утвердившим Судебник (1497 г.); Василию III (1479 – 1533 гг.) – сыну; Ивану IV (1530 – 1584 гг.) – внуку, принявшим новый Судебник (1550 г.); Федору (1557 – 1598 гг.) – правнуку. Рюриковичи, правившие Россией более 120 лет, сделали первый шаг в Сибирь – присоединив к России Югру (1500 г.) и Сибирское ханство (1582 – 1588 гг.), начав хозяйственное освоение и заселение Западно-Сибирских земель. Более благоприятные условия для осуществления восточной стратегии сложились в России после преодоления «смутного времени» и династического кризиса, когда государственная власть в 1613 г. перешла к новой династии Романовых. Первые Романовы – Михаил Федорович (1596 – 1645 гг.) – отец, учредил Сибирский Приказ (1637 г.) – высший государственный орган по сибирским делам; его сын – Алексей Михайлович (1629 – 1676 гг.) – утвердил Соборное Уложение (1649 г.) и распространил его действие до Камчатки; Петр Алексеевич (1672 – 1725 гг.) – снаряжал экспедиции в Забайкалье для поиска руд серебряных и золотых, на Камчатку для выяснения «сходится ли Сибирь с Америкой». Романовы первыми осмыслили мотивы и осознали, скорее интуитивно, значение засибирских (дальневосточных) земель для будущего пространственного геополитического развития России.

Мотивы восточной стратегии – хозяйственный, территориальный, социальный, геополитический и геостратегический – формировались на фундаментальных общественных по-

требностях, интересах, целях российской пространственной экспансии, культивировались в обществе и составляли содержание государственной политики. Оставаясь константами всех исторических типов восточной стратегии, мотивы на протяжении 380-летнего периода русского присутствия на Дальнем Востоке использовались с разной степенью интенсивности в зависимости от типа (модели) стратегий, их целей и приоритетов.

Экспансионистская стратегия (середина XVII – середина XIX вв.) имела своей целью обретение, столбление, оконтуривание засибирского территориального пространства и включение его в состав России.

Территориальный мотив на этом этапе был приоритетным. Территория, после человека – ценнейший ресурс жизнедеятельности. Её ценность заключается, прежде всего, в самой её наличности как пространственно-физической основы социального бытия. Территория предопределяет и детерминирует все формы, процессы и явления природно-социальной жизнедеятельности: климат, природные ресурсы, государственность, хозяйственную деятельность, развитие социокультурной среды, коммуникационно-информационных систем, ощущение отечества и гражданскую идентификацию.

Борьба за жизненное пространство – территориальная экспансия – общая закономерность развития человечества. Ощущение пространственной тесноты осознано человеком еще на стадии дикости и усиливается на последующих стадиях – варварства и цивилизации (Ф. Энгельс), когда территориальная экспансия в любых формах (захват, колонизация, отчуждение) выступает в качестве непосредственного мотива государственной стратегии, поскольку территория, в отличие от скрытых ископаемых ресурсов, представляет собой, прежде всего, физически осязаемую реальность в виде: ландшафта, климата, растительности, живности, водности, ухоженности, удобства и приглядности для жизнедеятельности.

Хозяйственный мотив восточной стратегии был связан:

во-первых, с высоким спросом на зауральские ресурсы на внутреннем и

внешнем рынках: пушнина особо ценных пород (соболь, черная лиса), моржовый клык и бакулум, кости мамонта, китовый ус, рыбий жир и жир морских животных. Историк Словцов отмечал, что Сибирь стала для России самородным зверинцем, кладовою мягкой рухляди [Словцов, 2006. С. 59]. Первый ясак из Мангазеи (Западная Сибирь) поступил в Москву в 1600 г. С 1635 г. из Якутии в Россию стали возить в больших количествах пушнину [Мясников, 2008, С. 129, 145]. На Амуре в середине XVII в. «господствовал один дух ясака и грабежа» [Словцов, 2006. С. 94];

во-вторых, в казенных распоряжениях и воеводских листах (наказах), в качестве первоочередной, ставилась задача приискывать золотую, серебряную и другие руды. В 1699 г. в Забайкальском Нерчинске были обнаружены залежи золотой и серебряной руды. Её нашли в земле, нарытой сурками из нор. Через пять лет (1704 г.) был основан Нерчинский сереброплавильный завод, а через год (1705 г.) завод стал производить стратегический для России металл [Мясников, 2008. С. 174, 175];

в-третьих, основав Якутский острог (1634 г.) русские были наслышаны о богатстве и благоденствии на Амуре, о даурском хлебопашестве, что послужило мотивом проникновения на амурскую линию. Государев наказ (1653 года) «распространить хлебопашество достаточное для продовольствия 6 тысяч войска» [Барсуков, 1999] преследовал не только кормление защитников, но и заведение хлебопашества в бассейне Амурской водной системы – обеих берегов Амура, Шилки, Аргуни, Зеи, Буреи;

в-четвертых, торговля, являясь важным элементом хозяйственного мотива, сыграла важную роль в становлении и развитии хозяйственной, социальной и духовной жизни Дальнего Востока. Первоначально, основной формой торговли были ярмарки. Так, уже в 1647 г. открылась первая ярмарка в Нижнеколымске, на которую собралось 396 промышленников и купцов [Мясников, 2008. С. 148]. Регион кипел сбытом мягкой рухляди, давая казне десятую часть

проданных шкурок соболей [Словцов, 2006. С. 168]. После подписания Нерчинского договора (1689 г.) ярмарочная торговля уступила место караванной. До конца XVII века через Нерчинскую таможню из России в Китай проследовало семь караванов, маршрут которых в прямом и обратном направлениях пролегал: Пекин-Нерчинск-Чита-Селенгинск-Верхнеудинск-Иркутск-Енисейск-Томск-Тобольск-Ирбит-Нижний Новгород-Москва;

Социальный мотив предполагал «очистку» российского социума от антиобщественного элемента (бродяг, разбойников, воров, оппозиционеров власти, пленных, обезземелившихся крестьян, буйных казаков, религиозно несогласных); добровольного и организованного переселения крестьян, ремесленников, посадских, казаков; промышленники и купцы шли на восток добровольно с верой быстрого обогащения. Первоначально все эти элементы слились в единый поток вольнонародной колонизации под государственным присмотром и разносторонней поддержкой государственных учреждений. В силу малолюдности России этот первоначальный поток осел в 30 дальневосточных острогах и острожных поселениях – Якутских, Камчатских, Чукотских, Приамурских [Ремезов, 2003. С. 184].

Геополитический мотив состоял в распространении русской государственности на обретенной территории по восточной (Чукотско-Камчатской-Охотской) и южной (Амурской) линиями. Первоначально (середина XVII в.) казалось, что аборигенное население по этим линиям приведено в российское подданство. Однако во второй его половине, в силу малочисленности и вооруженной слабости русских отрядов первопроходцев-покорителей, обретенные земли стали объектами ожесточенных военных конфликтов. На севере чукчи не признавали российское подданство в течение 270 лет (вплоть до 1923 г.), когда на Чукотке была установлена Советская власть¹. На Амуре, в результате масштабных военных действий с маньчжурами, Россия вынуждена была заключить Нерчинский договор (1689 г.) по которому лишалась обретенных приамурских тер-

¹ Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах)... изд. 3-е, М.: Советская Энциклопедия, 1978, т. 29. 254 с.

риторий на 170 лет, вернув их только в середине XIX в.

Форпостная стратегия (середина XIX – середина XX вв.) К середине XIX в. Россия, достигнув необходимой экономической и военной весомости на Западе, обретя статус одной из крупнейших мировых держав, четко обозначила свои геополитические интересы и претензии на свое место в Тихоокеанском регионе. Геополитическая, экономическая и геостратегическая ситуация на Дальнем Востоке для России складывалась тревожной, что отразил в письме Императору Николаю I, еще в 1850 г., генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев: «Возникло небезопасное предположение, что англичане займут устье Амура. Каких тогда потребуются сил и средств от правительства, чтобы Восточная Сибирь не сделалась английскою, когда в устье Амура станет английская крепость, и английские пароходы пойдут по Амуру, до Нерчинска и даже до Читы» [Барсуков, 1999. С. 206].

Тревожность оказалась реальностью во время Крымской войны (1853 – 1856 гг.), когда Англия и Франция на Российских тихоокеанских берегах попытались вытеснить Россию из удобных гаваней – Авачинской на Камчатке и Де-Кастри – на восточном берегу Татарского пролива. Героической обороной Петропавловска-Камчатского и военной хитростью в бухте Де-Кастри в 1855 – 1856 гг. русским удалось заставить вражескую эскадру покинуть облюбованные и застолбленные русскими Тихоокеанские гавани.

В результате активного плавание по мировым океанам и дальневосточным морям русских флотоводцев (Крузенштерн И. Ф., Лисянский Ю. Ф., Лазарев М. Н., Головин В. И., Литке Ф. Н., Невельской Г. И.), столбивших за Россией Тихоокеанские гавани (Императорская, Ольга, Находка, Золотой Рог, Посьет), ситуация складывалась позитивная. Обнадеживающе для России развивалась и внутренняя ситуация в сопредельном Китае, ослабленном в ходе двух «Опиумных войн», навязанных англичанами и французами (первая в 1840 – 1842, вторая – 1856 – 1860 гг.). Появилась возможность исправить несправедливости Нер-

чинского договора 1689 г.

Проблема была блестяще решена дипломатически 28 мая 1858 г. заключением Н. Н. Муравьевым Айгуньского договора, по которому было определено: границе между Китаем и Россией быть по Амуру так, чтобы левый берег до устья принадлежал России, а правый до реки Уссури – Китаю. Айгуньский договор был дополнен Пекинским в 1860 г., по которому Китай признавал за Россией Уссурийский край – территорию между правым (восточным) берегом реки Уссури и Тихим океаном. Земли левого берега до впадения Уссури в Амур оставались за Китаем. Договоры не только юридически закрепили за Россией возвращенные земли, но и стали сигналами для их заселения, хозяйственного освоения и закрепления Отечества на берегах Тихого океана.

Социальный мотив выдвинулся в качестве приоритетного, поскольку решение задач хозяйственного освоения и стратегического закрепления России в критически отдаленном регионе было немыслимо без масштабного заселения в кратчайшие сроки. Государство приняло ряд мер по добровольному и организованному переселению посредством: предоставления земельных наделов в пользование и прав на покупку земли по установленной цене; освобождения от воинской повинности, денежных и натуральных податей; установления свободного предпринимательства; специальных государственных дотаций переселенцам. Кроме того, государство использовало и принудительные меры водворения на дальневосточные территории специального контингента – осужденных по уголовным и политическим делам – ссыльных каторжан и ссыльных поселенцев. Население региона увеличилось и за счет добровольной миграции и естественного прироста. За 100 лет населенность Дальнего Востока увеличилась с 70 тысяч (1860 г.) до почти 5 млн. человек (1960 г.) т. е. в 70 раз [Рыбаковский, 1990. С. 70].

Миграционные потоки высокой плотности в первые пятьдесят лет (1860 – 1910 гг.) на 90 процентов оседали в сельской местности, основывая сельские поселения (деревни, села, заимки) поближе к воде, тайге, на пригодных к хозяй-

ствованию землях. Мигранты создавали поселки на приисках, лесных массивах и рыболовных местах. Квалифицированные работники и купеческий люд Петербурга, Киева, Одессы, Красноярска, Иркутска, Читы, Верхнеудинска селились в городах: Якутске, Николаевске-на-Амуре, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Никольск-Уссурийском, а с прокладкой Транссиба – в Сковородино, Архаре, Облучье, Имане, Бикине, Вяземском. Общая населенность Дальнего Востока к 1914 г. составила 1261 тыс. чел.²

Не менее интенсивный процесс заселения региона наблюдался и во второе пятидесятилетие (1910 – 1960 гг.), особенно в его начале – 1914 – 1940 гг., когда прирост населенности составил 1894 тыс. чел., достигнув 3155 тыс. чел. (1940 г.) [Николаев, Сингур..., 1968. С. 14]. При этом 90% пополнили городские поселения как уже обжитые, так и новые – Биробиджан, Комсомольск-на-Амуре, Находка, Анадырь, Магадан и Петропавловск-Камчатский. После Великой Отечественной войны, масштабное организованное и добровольное заселение осуществлялось на Сахалин. За 14 лет (1946 – 1960 гг.) прирост здесь составил 527 тыс. чел., половина из которых составили основной костяк занятых на бывших японских предприятиях – бумажных комбинатах, угольных шахтах, леспромхозах, рыболовецких и железнодорожных предприятиях, учреждениях и организациях социальной сферы. К завершению форпостной стратегии численность населения региона составила 4931 тыс. чел.³

Социализация личности (обучение, воспитание) до Октября 1917 г. обеспечивалась, в основном, церковно-приходскими школами, горными и коммерческими училищами и одним вузом – Институтом Восточных языков (1899 г.) во Владивостоке. Социалистическая Россия, плодотворно реализовав задачи общенационального просветительства за счет общественных ресурсов, добилась выдающихся результатов в области обра-

зованности населения Дальнего Востока, где уровень общей грамотности населения к концу 1950-х гг. достиг почти ста процентов. В 1960 г. в регионе работали 3843 школы с 810 тысячами учащихся, 95 техникумов, где обучалось 51,4 тыс. чел., 20 вузов с контингентом 45,1 тыс. студентов. В общей трудовой занятости 1620 тыс. чел. специалисты с высшим образованием составляли 4,5% (72,6 тыс. чел.), со средним специальным – 8,4% (136,4 тыс. чел.). Социализация дальневосточников подкреплялась функционированием 3,3 тыс. библиотек, 2,5 тыс. клубных учреждений, 30 тыс. киноустановок, десятками театров и музеев⁴.

Хозяйственный мотив опирался на богатейшие ресурсы, обеспечивающие высокую доходность в формирующихся базовых отраслях региона – горнорудной, рыбной, лесной, что было закономерным процессом пионерного освоения географического пространства. Так, уже в 1916 г. в регионе работало свыше 600 приисков по добыче золота, дающих свыше 40% российского производства (25 – 30 тонн ежегодно), и на которых работало до 36 тыс. рабочих. В этой отрасли раньше, чем в других, возникло крупное монополистическое объединение «Лензолото». За короткий период с 1893 по 1913 гг. добыча рыбы увеличилась более чем в 7 раз (с 1,5 млн. до 10,8 млн. пудов), а удельный вес дальневосточного бассейна в общей добыче рыбы увеличился с 2 до 15%, что вывело его на второе место в России. Почти три четверти рыбной продукции экспортировалось в Японию. Рыбная промышленность региона находилась под контролем российского монополистического капитала. Концерн «И. Стахеев и Ко» учредил крупное Охотско-Амурское рыбопромышленное общество, которое по улову рыбы (на реке Амур, у берегов Камчатки и Сахалина) занимало одно из первых мест на Дальнем Востоке. Характерной особенностью лесной отрасли была экспортная направленность благодаря исключительно ценному породному составу леса – дуб, ясень, орех, кедр,

² Статистический ежегодник России 1914. – I отдел, СПб., 1915. С. 53–54.

³ Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. (Стат. ежегодник) Госстатиздат ЦСУ СССР, М., 1961. С. 37.

⁴ Народное хозяйство ... С. 400, 409, 494, 497, 505, 509.

лиственница и дешевому водному пути. В 1909 г. на Дальнем Востоке возникли крупные лесозаготовительные и лесопромышленные компании по экспорту леса за границу: Бринер, Кузнецов и Ко на Сахалине и в бухте Тетюхе, М. И. Суворов в Приморье, английская компания «Ориенталь тимбэ корпорейшин» в Императорской, ныне Советской Гавани.

В обрабатывающей промышленности к 90-м годам XIX столетия на территории южной зоны Дальнего Востока насчитывалось 120 промышленных заведений: лесопильные, мукомольные, винокуренные, пивоваренные, маслобойные, мыловаренные, гончарные, обработка металлов, кирпичные, известковые с общей численностью рабочих (взрослых и детей обоего пола) 2322 человека, объем выпускаемой продукции составил 3,9 млн руб. По данным 1919 г. на этой территории было 873 фабрик, заводов и других промышленных заведений с общим числом рабочих 10170 чел. Предприятия были в основном мелкими, на одно предприятие приходилось 11,6 чел. Годовой объем продукции составлял 17 млн руб.

Хозяйственный мотив активизировался в связи со строительством (1891 – 1916 гг.) Транссибирской железнодорожной магистрали и Китайско-Восточной железной дороги (1897 – 1904 гг.), созданием морского и речного пассажирского и грузового флотов [Попов, 1989. С. 42].

Выход России в Тихий океан имел большое значение для развития морской торговли. К. Маркс в работе «Русская торговля с Китаем» писал: «Россия... овладела берегами реки Амур... владеет Курильскими островами и соседним с ними побережьем Камчатки. Она уже имеет флот в этих морях и, несомненно, воспользуется любым благоприятным случаем, чтобы добиться участия в морской торговле...» [Маркс..., 1958. С. 159 – 160]. Это, собственно, вскоре подтвердилось созданием международной торгово-промышленной компании «Кунст и Альберс» (1864 – 1924 гг.), что способствовало развитию национального купеческого капитала дальневосточных

купцов – Кузнецова, Чердымова, Богданова, Плюснина, Чурина.

Хозяйственный мотив России усилился под воздействием революционного переустройства общества, вызванного Великой Октябрьской социалистической революцией, на новой советско-социалистической основе, при сохранении сути прежней имперской форпостной стратегии, которая при новой власти стала осуществляться более целеустремленно, интенсивно и планомерно новыми политическими, экономическими, административными и идеологическими методами и инструментами. Центральные политические (ЦК РКПб) и государственные (СНК, ВСНХ, ВЦИК) органы учредили региональные институты власти на Дальнем Востоке: «Дальбюро ЦКРКП(б)» (1920 – 1925 гг.), «Далькрайком партии» (1925 – 1938 гг.), «Далькрайисполком» (1926 – 1938 гг.).

Эти органы сформировали, а состоявшаяся в 1925 г. VII Дальневосточная краевая партийная конференция утвердила стержневую идею хозяйственного развития Дальнего Востока: «Будущее края – в промышленности, и это должно определить линию в строительстве края»⁵. Политическую задачу перед трудящимися, партийными, советскими и хозяйственными органами определила IX Дальневосточная партийная конференция (1929 г.): «Усилия рабочего класса, партии, Советской власти и профсоюзов должны быть направлены... на осуществление идеи генерального плана ДВК в его хозяйственном социалистическом строительстве – превращение края в мощный хозяйственный аванпост Советского Союза на берегах Тихого океана»⁶.

Выдвинутая коммунистами Дальнего Востока задача хозяйственного развития края приобрела общегосударственное значение. На XVII съезде партии (1934 г.), рассмотревшем наметки второго пятилетнего плана было отмечено: «Дальневосточный край, гигантски повышая... свою хозяйственную мощь..., становится незыблемым форпостом Советского Союза на Тихом океане»⁷.

⁵ VII Дальневосточная краевая конференция РКП(б). Хабаровск, 1925. С. 5.

⁶ IX Дальневосточная краевая конференция РКП(б). - Хабаровск, 1929. С. 371.

В конце 30-х годов, когда стало более отчетливо вырисовываться экономическое и политическое значение региона, XVIII съезд партии (1939 г.) усиливает акценты на его значимости. «Дальневосточный край мы рассматриваем, как требующий всемирного дальнейшего укрепления мощный форпост Советской власти на востоке⁸.

Указанные документы скорректировали цели и уточнили суть форпостной стратегии, которая состояла в интенсивном укреплении экономических, социальных, геополитических и геостратегических позиций СССР в Азиатско-Тихоокеанском геополитическом пространстве на основе: богатейших ресурсов; промышленных технологий и техники; непосредственного участия государства в инвестировании и организации хозяйственной и социальной жизнедеятельности; всеобщности и коллективности труда; политической организации масс на строительство новой жизни; равенства и социальной справедливости всех членов социалистического общества.

Стратегические цели развития Дальнего Востока были декомпозированы и структурированы в 23 конкретных задачах программного документа – Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 июля 1930 г. по докладу Гамарника Я. Б. (1894 – 1937 гг.) – председателя Дальревкома, крайисполкома, секретаря Далькрайкома (1923 – 1927 гг.), с 1930 г. – зам. наркома обороны СССР – «О состоянии экспорта на Дальнем Востоке», а также в государственных пятилетних планах 30-х – 50-х гг., которые неукоснительно выполнялись под контролем государственных и партийных органов на всех уровнях власти. Задачи по развитию Дальнего Востока осуществлялись в рамках общенациональной стратегии – Строительство фундамента социализма посредством четырех революционных трансформаций – институциональной, промышленной, аграрной и культурной – под организующей силой государства диктатуры пролетариата и политической

организации масс на строительство социализма Коммунистической партией.

Реализация хозяйственного мотива в 30-е годы содержала потрясающие результаты: базовые отрасли хозяйства региона (горнорудная, рыбная, лесная) подверглись глубокой технологической, экономической и организационной реконструкции, обеспечивающие внутренние потребности и почти 90% экспортной выручки; формировалась важнейшая отрасль энергетика за счет реконструкции угольных шахт Приморья и обустройства новых угольных месторождений – Райчихинского и Бурейского, Сахалинской нефти и тепловых электростанций; была заложена основа промышленной мощи – машиностроение – авиационные, судостроительные, металлообрабатывающие и станкостроительные, металлургические заводы в Комсомольске-на-Амуре, Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске; было завершено строительство вторых железнодорожных путей Хабаровск – Владивосток, ввод новых (Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре, Биробиджан – Ленинское, Угольная – Находка, Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань, Известковая – Ургал), началось (1938 г.) строительство БАМа. Железнодорожный транспорт оснащался мощными паровозами (ИС, ФД), цельнометаллическими пассажирскими и грузовыми вагонами; началось создание Колымского промышленного района; решалась извечная проблема Дальнего Востока – производство продовольствия путем создания крупных коллективных крестьянских и государственных хозяйств.

Итоговая картина хозяйственного и социального развития края состояла в том, что здесь на дальней окраине страны был создан новый район экономической деятельности, основу которого составляла крупная промышленность, достаточно развитая транспортная система и продовольственная база. Дальний Восток развивался более быстрыми темпами, чем экономика страны в целом. Государство выделило Дальнему Востоку в 30-е годы

⁷ II пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933 – 1937 гг.), т. 2. М., 1934. С. 188.

⁸ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) : стенографический отчет. М., 1939. С. 302.

до 6,3 процентов общесоюзных инвестиционных ресурсов.

В период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) и послевоенные годы советское государство проводило военно-экономическую стратегию, где ключевая роль отводилась хозяйственному мотиву. Уже к концу 1941 г. Дальний Восток стал производить авиабомбы, снаряды, гранаты, автоматы, минометы, артиллерийские орудия, боевые корабли, самолеты, боеприпасы, ремонт танков. За годы войны вошли в строй действующих: завод «Амурсталь» (1942 г.), нефтепровод Оха (на Сахалине) – Комсомольск-на-Амуре, было открыто новое оловорудное месторождение на малом Хингане в Хабаровском крае. Горнорудная, лесная, рыбная отрасли дали фронту тысячи тонн металла, сотни тысяч кубометров леса, миллионы центнеров рыбы. Одним словом, экономический потенциал района в полную мощь работал на Победу.

В 50-е гг. внимание центральных властей к Дальнему Востоку в силу крупномасштабных военных разрушений и восстановительных работ несколько ослабло. Усилия местных и центральных властей были сосредоточены на реконструкции портовых сооружений, судостроительных заводов, развитии Северного Морского пути, заселении Сахалина, Камчатки, Магаданской области. Интенсивно велись подготовительные работы по созданию алмазодобывающей промышленности, крупных геолого-разведывательных работ, рационализации и техническому перевооружению производственного потенциала региона.

Геополитический мотив форпостной стратегии был сфокусирован на восстановлении российской государственности на территориях Амурской линии, обретенных Россией в середине XVII в. и отторгнутых Китаем в конце этого века, возвращены России по итогам Айгуньского договора 1858 г. По решению Крымской (Ялтинской) конференции лидеров большой тройки (1945 г.) Южный Сахалин, отторгнутый Японией по Портсмутскому (1905 г.) договору и Курильские острова, отошедшие Японии по

Русско-Японскому договору 1875 г., возвращены СССР.

Геостратегический мотив состоял в экономическом, социальном и военном укреплении Дальнего Востока путем их интенсивного развития с целью обеспечения национальной безопасности России на ее Тихоокеанских берегах. Здесь был создан мощный экономический, социально-политический, духовный и военный потенциал (казацкие отряды, народно-освободительная армия, регулярные сухопутные, морские, воздушные военные силы). Безопасность региона обеспечивалась в крупных сражениях: Русско-Японская война (1904 – 1905 гг.); с интервентами (1920 – 1922 гг.); на озере Хасан (1938 г.) и реке Халхин-Гол (1939 г.) и, наконец, в Восточно-Маньчжурской и Курильской военных компаний (1945 г.).

Сжатое изложение мотивов и ретроспективных типов Восточной стратегии, охватывающих 300-летний период пространственного развития России (середина XVII – середина XX столетий), резюмируется нами как выдающийся позитивный цивилизационный результат русского государственного разума и пассионарности русского суперэтнуса по обретению, заселению, освоению и развитию дальней окраины Отечества, представляющей собою территориально-хозяйственную, социокультурную, геополитическую и геостратегическую ценность современной России.

Список литературы:

1. Барсуков И. А. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Хабаровск, 1999. 672 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. М. : 1958. 879 с.
3. Мясников А. А. Золотая летопись России. Спб, Принт, 2008. 672 с.
4. Николаев Н. И., Сингур Н. М. Перспективы развития экономики Дальнего Востока. Хабаровск, кн. изд., 1968. 120 с.
5. Попов Д. А. Системные основы политического руководства (на примере Дальневосточных партийных организаций). М. : АОН при ЦК КПСС, Хабаровская ВППШ, 1989. 200 с.
6. Ремезов С. Краткая сибирская

- летопись (Кунгурская), составленная К. Г. Леви, Н. В. Задониной. Иркутск : изд. журнала «Время странствий», 2003. 184 с.
7. Рыбаковский Л. Л. Население Даль- него Востока за 150 лет. М. : Наука, 1990. 167 с.
8. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М. : Вече, 2006. 512 с.

Библиографическое описание статьи

Попов Д. А. Восточная стратегия России: мотивы и ретроспективные типы // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). С. 65–73. DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-65-73

Dmitriy A. Popov – Doctor of History, Professor of the chair of economics and management at the trade enterprises, the Khabarovsk State University of Economics and Law (134, Str. Tikhookeanskaya, Khabarovsk, 680042, Russian Federation). E-mail: eupt.stud@mail.ru

The Eastern strategy of Russia: motives and retrospective types

The article deals with the concept of the Eastern strategy of Russia as a state long-term policy for the acquisition, settlement, arrangement and development of the far outskirts of Russia, its basic elements of spatial expansion. The main motives of the strategy are revealed: economic – development and use of natural resources – furs, ores of precious, nonferrous and ferrous metals, forests, fish, coal, oil, gas, agricultural land and their use in economic activity; territorial – the acquisition of territory within the boundaries of the lake Baikal-Kamchatka and the Kuril Islands, the Cape Dezhnev (Chukotka)- the Possjet Bay of the (the Primoriye territory) social – settlement, arrangement and organization of activity; the geopolitical – dissemination of the state in the newfound space; geo-strategic – national security. Formulated and reviewed historical types of the Eastern strategies: the expansionist strategy (middle of the XVII – XIX centuries); Forpost strategy (XIX – XX centuries).

Keywords: Russia, the Far East, the Eastern idea, the Eastern strategy, motives, types of strategy, territory, geopolitical space, population, migration, industry.

References:

1. Barsukov I. L. Count Nikolai Nikolaevich Muravyov-Amursky. Khabarovsk, 1999, 672 p. (In Russian).
2. Marx K., Engels F. Soch. 2nd ed. V. 12. M.: 1958, 879 p. (In Russian).
3. Myasnikov, A.L. The Golden Chronicle of Russia. St. Petersburg, Print, 2008, 672 p. (In Russian).
4. Nikolaev N. I., Singur N. M. Prospects for the development of the economy of the Far East. Khabarovsk, Vol. ed., 1968, 120 p. (In Russian).
5. Popov D. A. System bases of political leadership (on the example of the Far Eastern Party organizations). M. : AON at the Central Committee of the CPSU, Khabarovsk VPSH, 1989. 200 p. (In Russian).
6. Remezov S. Brief Siberian Chronicle (Kungur), compiled by KG Levy, N. V. Zadonina. Irkutsk: ed. of the magazine "Time of Travel", 2003, 184 p. (In Russian).
7. Rybakovsky L. L. The population of the Far East for 150 years. M. : Science, 1990, 167 p. (In Russian).
8. Slovtsov P. A. History of Siberia. From Ermak to Catherine II. M.: Veche, 2006, 512 p. (In Russian).

Reference to the article

Popov D. A. The Eastern strategy of Russia: motives and retrospective types // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 2 (87). Pp. 65–73. DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-65-73

СОЦИОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-74-84

УДК 796(571.6)

Н. М. Байков

Е. В. Лихачева

Физическая культура и спорт в контексте национальных приоритетов государственной политики: социологические аспекты

В статье рассматривается отношение населения Хабаровского края к двигательной активности в виде занятий физической культурой и спортом как к условию формирования здорового образа жизни. На основе результатов социологических исследований проанализированы показатели удовлетворенности населения условиями, созданными субъектами управления для занятий физической культурой и спортом взрослых людей, детей и подростков. Выявлены особенности отношения возрастных групп молодежи к физкультурно-спортивным занятиям как активной форме досуга и здорового образа жизни. Рассмотрены национальные приоритеты государственной политики в создании условий для групп населения, систематически занимающихся физической культурой и спортом, как императив в деятельности региональных и муниципальных органов управления. Установлено, что достижение целевых показателей субъектов управления по созданию условий развития физической культуры и спорта обусловлено и объективными, и субъективными факторами, их противоречивым влиянием на ожидаемые результаты. Основные выводы по результатам исследования содержат научно-практические рекомендации по обеспечению доступности физкультурно-спортивных услуг как условия форсирования стремления к здоровому образу жизни населения региона.

Ключевые слова: физическая культура и спорт; социологические исследования, государственная политика, национальные приоритеты, Хабаровский край.

В современных условиях государственная политика в области физической культуры и спорта актуализирована в качестве одного из национальных приоритетов развития страны на период до 2024 г.¹ Национальный проект «Демография» состоит из 5 федеральных проектов, один из них – «Спорт – норма жизни»². Их реализация запланирована в ближай-

шие пять лет, т. к. демография зависит от таких показателей, как рождаемость, смертность, миграция и продолжительность жизни.

В этой связи в рамках национальных задач и стратегий популяризация здорового образа жизни через занятия физической культурой и спортом – предмет особого внимания органов управления всех

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>

² Национальный проект «Демография». URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography>

Николай Михайлович Байков – д-р социол. наук, профессор, гл. научный сотрудник, Дальневосточный институт управления-филиал РАНХиГС (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: nmbaikov@rambler.ru

Елена Васильевна Лихачева – начальник отдела инвестиционных проектов и программ, Министерство физической культуры и спорта Хабаровского края (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 32). E-mail: lihacheva-e@inbox.ru